

Новый взгляд на исламизм: Может ли он стать фактором демократизации в Центральной Азии? (Марлен Лярюэль)

ПОНАРС Евразия
Аналитическая записка № 298
Сентябрь 2013 г.

Марлен Лярюэль
Университет Джорджа Вашингтона

В настоящей аналитической записке рассматривается старая парадигма исламизма и демократизации в Центральной Азии, а также новые площадки для обсуждения. Она основывается на трех гипотезах:

- 1) В регионе происходит смена поколений, что открывает возможности по новому сформулировать место ислама в обществе;
- 2) Эти новые возможности в большинстве своем предполагают расширение роли ислама, который при этом рассматривается как альтернативная идеология пост-советскому консенсусу, все еще царящему в регионе, либо как общественная практика, соперничающая с нормами и ценностями правящего режима;
- 3) Эти новые формы исламизма и их сторонники, скорее всего, будут призваны сыграть важную роль в грядущем идеологическом разнообразии общественной жизни Центральной Азии.

Исламизм и демократия: старый спор, новый контекст?

Политические и научные споры относительно роли исламизма в деле демократизации обществ, в которых мусульмане составляют большинство, имеют давнюю традицию, которая уходит своими корнями в 60-е годы прошлого века - во времена, когда на Ближнем Востоке развернулась большая полемика между арабскими националистами социалистической ориентации и исламистами. В 80-е годы, после Исламской революции в Иране и последующего взлета идеологии джихада, эти споры возобновились. Очевидно, что «Арабская весна» 2011 г. стала мощной инъекцией, вернувшей эти дебаты к жизни, особенно после того, как в 2013 г. исламские правительства Туниса и Египта, как и было неоднократно предсказано, упустили свой шанс создать консенсус среди тех, кто поддержал их в борьбе против предшествовавших светских авторитарных режимов.

Как можно определить исламизм? Исламизм – это политическая идеология; цель ее сторонников - заполучить власть в свои руки; однако методы взятия власти могут быть разными: от демократической конкуренции на выборах до насильственного захвата. В отличие от джихадистов-интернационалистов, которые не признают государственных границ, большинство исламистов принимают национальные государства, а их ссылки на глобальный халифат являются столь же риторическими рассуждениями, сколь и разговоры об универсальных ценностях в христианской культуре. Они, конечно же, выступают за придание исламу официального статуса в государстве, но степень исламизации государственных учреждений может сильно колебаться: от все еще в основном светской Турции, где во главе государства стоит премьер-министр Реджеп Тайип Эрдоган, до таких стран как Саудовская Аравия, где в основе законодательства лежит шариат.

В данной статье я использую термин «исламизм» не в смысле буквальной трактовки Корана или навязывания религиозных норм в сфере политической жизни, но в качестве идеологии, которая основывается на вполне идентифицируемых действующих лицах, со своими социальными нишами и нормами, способных сформулировать ее на уровне теоретических доводов.

Центральная Азия: от демократического исламо-национализма до анти-либерального салафизма?

В Центральной Азии спор относительно взаимоотношений между исламизмом и демократизацией не нов. С момент своего возникновения в нелегальных условиях в 1973 г. Партия исламского возрождения СССР была мусульманским вариантом диссидентства. В годы Перестройки многие политические движения исламо-националистического толка объединили свои усилия с либерально-демократическими группировками в деле борьбы с советским режимом и аппаратчиками, которые унаследовали власть в момент достижения независимости: «Партия исламского возрождения Таджикистана» (ПИВТ) приняла участие в гражданской войне на стороне партий либерального толка, таких как «Лали Бадахшан»; в Узбекистане «Бирлик» и «Эрк» сотрудничали с прозападными группировками, выступавшими против Ислама Каримова; тогда как в Казахстане «Азат» и «Алаш» до своей ликвидации были союзниками с другими силами анти-назарбаевской оппозиции, в том числе и с русским этническим меньшинством, компартией, зелеными и движением пенсионеров. Таджикский пример остается образцовым: даже сегодня, несмотря на ослабление ПИВТ как извне (в результате давления со стороны режима Эмомали Рахмона), так и изнутри (вследствие раздоров с представителями более радикальных тенденций), ПИВТ продолжает оставаться важным элементом политической жизни Таджикистана, в результате чего политика властей здесь более либеральна, чем в Узбекистане, Туркменистане и даже в Казахстане.

В нулевые годы парадигма исламизма и демократизации, казалось, полностью исчезла в Центральной Азии: политическое разнообразие было сведено к минимуму во всех странах, за исключением Киргизстана, где политические силы

выражают себя скорее в этническом аспекте, нежели религиозном. Обсуждение проблем исламского радикализма в СМИ умело манипулируется режимом и в его основу берется только один пример – союз «Исламского движения Узбекистана» (ИДУ) с «Талибан» и позднее – с «Аль-Кайдой». Эта тема доминирует в статьях политических аналитиков и даже присутствует в академических работах.

Однако внутренняя эволюция центрально-азиатских обществ вынуждает нас вернуться к обсуждению отношений между исламизмом и демократизацией. В течение первых двух десятилетий независимого существования здесь сложились три основных тенденции в исламе. Первой является официальный ислам, он представлен религиозной верхушкой Духовного управления, а также имамами и муфтиями рангом ниже. Их нельзя назвать исламистами, они защищают *modus vivendi* со светским государством, контролирующим духовную власть более-менее авторитарным путем.

Им противостоят сторонники исламизма как альтернативы официальному исламу, которые могут быть разделены на две основные категории. Первая – это лица, получившие образование между 60-ми и 80-ми годами прошлого века. Порой они связаны с суфийскими традициями, но чаще всего их вдохновляют не-ханафитские учения, и особенно – ханбализм. Представители этой тенденции составляют ядро исламо-националистических партий, созданных в годы Перестройки. Они пытались участвовать в политической жизни ранних 90-х годов, предлагая альтернативные модели будущего. Большинство их лидеров либо находится в ссылке, либо же они были ликвидированы во второй половине 90-х и начале нулевых годов.

Другая категория сформировалась в годы независимости, ее представляют сторонники учений салафитского толка, выступающие за буквальное прочтение Корана, ре-исламизацию общества снизу и за интернациональную версию ислама. Большинство представителей этой тенденции учились за границей в крупнейших исламских учебных заведениях, таких как Аль-Азхар в Каире или же суннитских университетах в иранских городах Мешхед и Захедан, побывали в главных центрах реформистского прозелитского движения «Джамаат Таблиг» в Дели, Деобанде и Лакхнау, либо в Пакистане и Малайзии. Эти группировки поддерживают тесные связи с мусульманскими прозелитскими движениями, активность которых заметно возрастает: с «Джамаат Таблиг» и «Ахмадия» на индийском субконтиненте, с «Сулейманчи» в Турции, с салафитскими группировками в России (либо с волжско-уральского региона, либо с Северного Кавказа), а также с «Хизб ут-Тахрир». К этой же категории относятся и группировки, выступающие за насильственный джихад, но они весьма малочисленны.

Новый центрально-азиатский исламизм как признак демократизации?

Это раздвоение усложняет анализ, поскольку оно почти автоматически предполагает переход от исламо-национализма 90-х годов к более

интернациональному салафизму нулевых годов, тогда как на самом деле идеологический спектр гораздо более разнообразен и переход от одного сегмента к другому непрост. Прежде чем ее члены стали переходить в джихадизм, ИДУ (изначально называвшееся «Адолат»), ставило перед собой исламо-националистические цели. Сохраняющаяся легитимность этого движения в Узбекистане явно более связана с его исламо-националистическим наследием, нежели союзом с талибами, поскольку никто в Центральной Азии не рассматривает «Талибан» как образец для подражания. «Хизб-ут-Тахрир», несмотря на свою интернационалистскую риторику, также глубоко уходит своими корнями в национальные проблемы, и отнюдь не причастна к международным вопросам.

Но более важно то, что призма раздвоения не позволяет увидеть возникновение третьей волны исламского движения. Хотя исследований, поддерживающих этот тезис все еще очень мало, их можно разделить на две основные тенденции.

Нео-исламский национализм

Нео-исламский национализм возник среди десятков тысяч молодых выпускников турецких школ и колледжей в Центральной Азии, где они были ознакомлены с умеренным исламом движения «Нурджу», а также среди молодежных группировок, уделяющих особое внимание национальному вопросу, которые особенно заметны в Казахстане, Киргизстане и Узбекистане. Последние не всегда объединены в ассоциации с официальным статусом, скорее, речь идет о молодежных форумах, которые существуют в интернете, социальных сетях и блогосфере.

На идеологическом уровне нео-исламский национализм сочетает элементы этнического национализма (гордость за свою этническую группу, критика прав, которыми государство наделяет меньшинства, недовольство «интернационализированной» элитой, отвержение России как колониальной державы, мифологизация исторического прошлого своего народа, а также трактовка как прошлых событий в истории своей страны, так и сегодняшнего дня, через призму теории заговоров) и исламизма (государственная поддержка растущей роли ислама в обществе, а также критика светских ценностей элиты, которые способствуют ее коррупции). Он отличается от салафизма тем, что призывает к поддержке ислама государством, тесно привязан к национальной идентичности и привержен идее «возрождения традиций», а не возвращению к мифической изначальной чистоте ислама. Однако его идеологические границы гибки: существуют светские националистические движения, рассматриваются также и пантюркистские идеи, а отношение к Западу может быть как положительным (либеральные взгляды в области экономики или политики), так и отрицательным.

На социальном уровне этот исламо-национализм свойствен в основном представителям нового немногочисленно среднего класса, получившим

образование в ПТУ, технических институтах и сельских ВУЗах, занятых в частном секторе (предприниматели, а также служащие крупных компаний с юридическим или техническим образованием) либо мелким представителям власти (учителя, преподаватели провинциальный ВУЗов, чиновникам местного или областного уровня).

Стихийное исламское движение среди низов общества

Под этим нечетким термином я понимаю два (хотя и относительно разные) движения, которые, тем не менее, объединены двумя общими элементами: критикой неэффективности государства, порожденной его светским характером, а также особым вниманием к проблемам правосудия на местном уровне.

К первой группе относятся предприниматели, выступающие в роли религиозных покровителей: они выделяют деньги на мечети и медресе (религиозные школы) и не скрывают своих исламских убеждений (при том, что в идеологическом аспекте эти убеждения могут существенно расходиться). В 2005 г. эти люди оказались в центре внимания СМИ, когда в Андижане произошло восстание, вызванное репрессиями против сообщества «Акромия», предпринимательской ассоциации, исповедовавшей принципы исламской солидарности, которая заручилась немалой популярностью в народе, а также существенными финансовыми средствами, не имея при этом никакого отношения к власти. В Казахстане влиятельным исламским деятелем является бывший лидер мусульманской партии «Ак Орда» Кайрат Сатыбалды. Он предлагает свою протекцию любому сообществу исламских предпринимателей. Модель исламских предпринимательских ассоциаций стала распространяться в Центральной Азии, ее характер меняется от страны к стране (она может быть подпольной или официально заявленной), но всех их объединяет идея того, что экономический успех идет рука об руку с набожностью и благотворительностью в рамках своей общины. В отличие от исламо-национализма, салафизм оказывает большее влияние на эти группировки.

Во-вторых, в регионе бурно развивается исламское гражданское общество, которое формируется на основе общественных кампаний, порожденных проблемами, возникшими на местном уровне. Целью активистов исламского гражданского общества является решение конкретных вопросов: защита прав собственности и жилищный вопрос в городских и сельских условиях, услуги филантропического характера для бедных, медицинское обслуживание стариков и детей, урегулирование общинных или семейных конфликтов, а также проведение кампаний в защиту прав женщин в рамках исламского права. Такие группы доказывают совместимость исламских ценностей с верховенством закона в государстве и призывают к гражданской активности, соблюдающей гармонию исламских ценностей. Главным образом, они активны в Казахстане и Киргизстане, где, в отличие от других стран региона, имеется большее пространство для такого рода деятельности.

Можно также отметить робкие попытки трансформации этой активности на низовом уровне в средство политической борьбы. К примеру, в Киргизстане бывший омбудсмен и депутат парламента, а также президент небольшой демократической партии «Эркин» Турсунбай Бакир Уулу и предприниматель Нурлан Матуев создали сначала Съезд мусульман Киргизстана, а затем – Союз истинных мусульман Киргизстана. Оба призвали к экономическому развитию в рамках канонів ислама путем усиления борьбы с коррупцией и морального очищения общественной жизни. Среди представителей центрально-азиатских диаспор, осевших в России, в частности – киргизской и таджикской, ряд предпринимателей, стремящихся превратить свой экономический успех в политический потенциал, также, похоже, апеллируют к избирателям-исламистам.

Влияние этих двух тенденций на дискуссию по вопросу исламизм-демократизация в Центральной Азии

Во-первых, заявления в пользу государственной поддержки ислама как национальной и государственной идеологии являются на сегодняшний день практически единственными заявлениями политического характера в Центральной Азии – фактически деидеологизированном регионе. Подрывая нынешний *modus vivendi* отношений между государством и религией, унаследованный от советской власти, эти движения создают новую дискуссионную площадку по вопросу о взаимоотношениях общества и государства, а также о легитимности или нелегитимности нынешних режимов. Они вносят свой вклад в дело демократизации способствуя разнообразию озвученных доводов.

Во-вторых, эти новые игроки на поле исламизма являются рядовыми гражданами, а не профессиональными политиками или исламистами. Они занимают профессиональные ниши, многие из которых возникли в период перехода к рыночной экономике 90-х годов. Они порождают альтернативный источник доходов и зачастую ставят под вопрос пост-советский консенсус по поводу методов распределения общественной ренты. Они воплощают собой экономическое и социальное разнообразие центрально-азиатского общества.

В-третьих, обе тенденции свидетельствуют о том, что в регионе идет процесс идеологической эволюции, обусловленный сменой поколений. Исламо-национализм, увязка между экономическим успехом, набожностью и моральным консерватизмом; а также вопрос о социальной справедливости и подотчетности гражданам – являются элементами новой данности, которые более нельзя игнорировать. В поисках новой политической легитимности будущие режимы Казахстана и Узбекистана, а также, по другим причинам, Киргизстана и Таджикистана – будут учитывать эти новые факторы и общественное влияние новых действующих лиц.

Эти исламистские факторы, какую форму они бы ни приняли (политических партий, намеревающихся прийти к власти, или чего-то иного) будут способствовать большей демократизации центрально-азиатского общества.

Поэтому дискуссия об «исламизме и демократии» выиграла бы, если бы вышла за рамки тупикового направления, сосредоточенного на наследии ИДУ и на опасности насильственного захвата власти салафистскими радикалами. Вместо этого обсуждение следует перевести на темы, более близкие повседневному исламизму, который оказывает все большее влияние на центрально-азиатскую молодежь.

Elliott School of International Affairs

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

PONARS ● NEW APPROACHES
E U R A S I A ● TO RESEARCH AND
● SECURITY IN EURASIA

© PONARS Eurasia 2013. Данный текст основан на аналитической записке на английском языке с тем же номером. ПОНАРС Евразия представляет собой международную сеть ученых, разрабатывающих новые подходы к изучению проблем внутренней и внешней политики, безопасности и сотрудничества в России и Евразии. ПОНАРС Евразия базируется в [Институте исследований Европы, России и Евразии \(IERES\)](#) Школы международных отношений им. Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона. Публикация осуществлена при поддержке грантов Корпорации Карнеги в Нью-Йорке и Фонда Джона Д. и Кэтрин Макартуров. www.ponarseurasia.org